

О межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам

© Л. В. Анисимова, 1998

Представители разных языковых стихий являются одновременно представителями различных культур, а коммуникация между культурами осуществляется прежде всего через языковой канал. Следовательно, любые формы общения с представителями иных культур, благодаря владению их языками, а также формы обучения этим языкам, направлены на обеспечение межкультурной языковой коммуникации. Поэтому, в частности, в процессе преподавания иностранных языков русским или русского как иностранного (РКИ), в том числе и на естественных факультетах университетов России, невозможно обойтись без опоры на некоторые понятия и положения культурологии, учитывающие функционирование языковых систем в человеческом коллективе как в надсистеме. К числу таких характеристик языкового коллектива относится прежде всего его величина (большой или малый), однородность состава (несмешанное или смешанное население); немалую роль играет осёдлость / неосёдлость носителей языка, а также такой показатель режима общения, как *наличие или отсутствие особых ограничений на “межкоммуникационные интервалы”*: *на интервалы времени между моментами, когда коммуникантам представляется возможность включаться в акты общения, и на пространственные интервалы, измеряемые средним числом коммуникантов-посредников на пути сообщения от его автора к адресату* [Мельников 1990]. При этом в некоторых коллективах множество фрагментов картины мира, которые могут являться поводами для коммуникации, более или менее конечно, и возможности вступления коммуникантов в общение специализированы таким образом, что в сознании членов этого языкового коллектива сюжеты, относящиеся почти к каждому из фрагментов, сливаются в непрерывный “жизненный путь” соответствующего прообраза — субъекта, объекта или явления действительности. В этом случае *поводы в сюжетах имеют линейную связь в памяти коммуникантов; в других же коллективах поводы сюжетов ассоциированы лишь по родовидовым признакам, образуя не линейную, а сетевую связь* [Мельников 1990].

Закономерности текстообразования следует искать, учитывая связи между языком и культурой вообще и языком и «национальным характером» (язык — продукт исторического развития). Следуя в контексте взаимодействия людей, направленного на достижение каких-либо целей,

коммуниканты интерпретируют речь и действия: является ли такое обращение к интерпретации взаимным — как в случае разговора — или невзаимным, когда мы читаем или пишем, но в любом случае *процесс этот интерактивен, предполагает взаимодействие людей. Интерпретация опирается на общие и специальные знания, используемые по ходу этого процесса* [Демьянков 1996].

По Вежбицкой, природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка. Значит, *каждый язык задаёт своим носителям свою определённую картину мира. И тогда процесс превращения “повода” в “сюжет” приводит хотя и к частному, но изменению картины мира, к изменению знаний слушающего о действительности, т. е. к получению нового знания о мире. Предикацию этого вида можно назвать когнитивной, и уже на её основе выявляются и принципы структурирования, компрессии текста, смысловые вехи.*

Здесь необходимо подчеркнуть кумулятивную функцию языка, его способность отражать, фиксировать и сохранять в языковых единицах информацию о постигаемой действительности. Поскольку благодаря коммуникации индивидуальные знания членов языкового коллектива становятся социально согласованными, социализированными, подтекст, контекст, затекст и замысел — как категории, тесно связанные с ментальностью народа, — демонстрируют то специфическое, что коренным образом отличает, например, флективный русский от агглютинативных тюркских. Поэтому, например, можно использовать в учебно-научном тексте на узбекском языке выражение *дон бер-мок* — «дать зерно», но нельзя: *дон олиш-мок* (дословно «взять зерно»), так как имеется в виду другое — «быть в интимной связи с кем-то».

Различия по степени выраженности при оформлении текстов в обоих языках возникают под различным влиянием. Способы донесения содержания позиционно и по смыслу определяют *объём конечного знания*, который должен быть одинаковым как в сообщениях языка-посредника, так и изучаемого языка. Различия и тождества агглютинативных, флективных языков, каковыми являются тюркские и русский, подтверждаются разностью и темо-рематических способов. Например, в терминах темо-рематических отношений в русском как флективном преобладает актуальное расчленение, в тюркских как агглютинативных — актуальное сочленение (в английском как близком к корнеизолирующим — актуальное причленение). В связи с этим, например, в русских сложных терминах чаще всего используется техника согласования, в тюркских — изафетные конструкции или приложения, в английском — преимущественно приложения. Все эти различия — после формулировки внутрен-

ней формы сопоставляемых языков — предстают как целесообразные, функционально обусловленные, вытекающие из особенностей культуры соответствующей языковой общности, и тем самым нейтрализуется подсознательное неприятие «противоестественных» форм изучаемого языка, заметно уменьшается доля случаев языковой интерференции и возрастает эффективность межкультурной коммуникации. Типичная тема — типичное подлежащее: в русском — обязательен событийный план высказывания, в тюркском — объект и перечень приобретённых признаков. Внутренняя форма тюркских языков как агглютинативных (и, следовательно, в значительной мере семитских языков), специализирована передавать по возможности любое содержание через образ развивающегося события, а результирующих состояний как новых свойств, приобретённых за длительный период времени.

В узбекском языке, например, текст о полевых опытах, проведённых на староорошаемых типичных серозёмах Ташкентской области, оформлен следующим образом: «Дала (*поле*) тажриба-лар-и (*опыты в*) Тошкент (*Ташкент*) вилоят-ини-нг (*области в*) эски-дан (*старый на*) хайдал-иб (*распаханные*) келин-ади-ган (*пришли к следующему выводу*) буз тупрок-лар-и (*серозёмы*) шароит-и-да (*в условиях*) утказ-ил-ди (*проведены*). И хотя более чем 70-летнее функционирование русского языка в Узбекистане дало в узбекском языке, принадлежащем к группе родственных тюркских языков, некоторое искажение исконных тюркских черт языка, оформилась некоторая утрата специфики, всё же на вышеуказанном примере чётко просматривается следующее: тюркские языки атрибутивны, несобытийны, и любая черта будет оформляться однотипным способом, как цепочка атрибутов.

Структура предложения зависит от структуры предшествующего и последующего текста, и если посмотреть на каждое реальное предложение текста не по номиналу, а как на результат преобразования *ядерного предложения в реальную форму (под воздействием всевозможных контекстных факторов)* [Демьянков 1996], то обнаружатся более глубокие закономерности в структуре целого текста. Реальное предложение *есть реализация «ядерной» структуры, причём под влиянием не только соседних предложений, но и в более широком объёме — всей духовности человека* — его намерений, моментального среза внутреннего мира и т. п., поэтому следует обратить особое внимание и на то, в каких условиях развивался язык: как оптимальная для общения, например, тюркская внутренняя форма специализирована изображать не развитие событий, а *результатирующие состояния существ и предметов* [Мельников 1989], упоминаемых в сообщениях. Раскрытие же различий между мен-

талитетами наиболее эффективно через формулировку внутренней формы языков носителей сопоставляемых культур.

Смысл высказывания, т. е. внутренняя форма типичного сообщения, внутренняя детерминанта этих языков, должна быть специализирована на подчёркивание, в образе сюжета, тех сторон, которые указывают на новые, результирующие качества и признаки. Необходимо помнить, что эти новые качества и признаки приобретены с помощью прообраза фрагмента знания слушающего (т. е. субъектом или объектом), при больших временных межкоммуникационных интервалах, т. е. за период длительного отсутствия коммуникативных контактов (во время кочевых переходов, например).

В исследуемом материале при оформлении связной речи выделен ряд моделей, не имеющих соответствия в русском языке. Так, например, в башкирском языке (в Башкортостане диалекты по-прежнему устойчиво сохраняются среди сельского населения, тогда как диалектные особенности городских башкирских говоров всё больше нивелируются под возрастающим влиянием нормализованного литературного башкирского языка) типичной структурой простого предложения является “подлежащее — дополнение — сказуемое”. Учитывая, что “найти специфику одного языка можно лишь в том случае, если известны данные остальных языков” [Николаева 1977], обратимся к внутренней форме языка: **как** процесс, в результате которого один из образов, входящих в сознание, если он имеет интенцию к изменению (“материал”), под воздействием другого, более инвариантного образа (“формы”), преобразуется в третий образ (“содержание”), что и делает высказывание сообщением.

Внутренняя форма русского языка как флективного именуется в современной системной лингвистике как **событийная** [Мельников 1978], коммуникативный ракурс как внутренняя детерминанта оказывается внутренней формой, обеспечивая возможность представления почти любого содержания через образ развивающегося события в его последовательных фазах, начиная с первопричины этого события. Другими словами, имеет место номинация с их помощью такого смысла, который *намекает* на сюжет по возможности как на некоторое развивающееся событие, в котором назван *инициатор* действия и такие *соучастники* события, действие которых было стимулировано действием инициатора. В результате этого и развилось событие, понимаемое как система согласованных действий. При событийном номинативном смысле высказывания слушающий получает максимальную возможность по воспринятому началу описания события прогнозировать его продолжение, и совпадение **прогноза с фактическим продолжением** становится главным ин-

дикатором совпадения того, что понял слушающий, с тем, что было в замысле говорящего, несмотря на очень длинные пространственные межкоммуникационные интервалы.

По Г. П. Мельникову, детерминанта языка обеспечивает гармонию между функцией, структурой и субстанцией языковой системы, поэтому она проявляет себя как тенденция на всех уровнях языка. Детерминанта определяет тот вариант языковой системы, который наиболее оптимален и приемлем для данного народа, обладающего определенной картиной мироздания [Богомазов 1998].

Детерминантный подход закономерно приводит к выводу: сложность и своеобразие [*русского языка, начиная с — А.Л.*] фонетической системы определяется сложностью и специфическими чертами в организации лексических и грамматических значений русского языка [Зубкова 1997].

Различие культур, с позиций классиков европейского языкознания, отражается в своеобразии запросов на средства речевого общения в типичных условиях коммуникации, в типичных приёмах языкового представления социального опыта, подлежащего обмену, обобщённым понятием внутренней формы языка. Эффективность обучения языку существенно возрастает, если учащиеся явно осознают отличие внутренней формы иностранного языка от внутренней формы родного, так как для успешного участия иностранных студентов в учебно-профессиональной сфере деятельности им необходимо понимать и переводить учебно-научный текст с изучаемого языка на родной, что часто зависит от уровня общей и лингвистической культуры.

Необходимость выявления сходства и различий при описании основных моделей, оформляющих основные коммуникативные типы учебно-научного текста, продиктовано не только теоретическими, но и практическими задачами. Результаты данного исследования могут быть использованы при обучении студентов русской и иноязычной научной речи.

Внутренняя форма, например, английского языка, из европейских типологически наиболее близкого к корнеизолирующим, складывалась в процессе обеднения аффиксации по мере смешения языков ряда народов, сливающихся в единую английскую нацию. Это приводило к увеличению роли позиционно-контекстного внешнего выражения связи между элементами содержания, представленного знаками высказывания — простота грамматики за счёт предельного использования возможностей полифункциональности знаков. Поэтому и внутреннюю форму, и номинативные смыслы высказываний на таком языке почти всякий раз коммуникант вынужден оптимизировать лишь на *каждый данный* случай. А

это значит, что характерной чертой таких языков является не фиксированность, как во всех остальных языковых типах, а его неповторимость, окказиональность.

Своеобразие языкового мировидения, ракурса показа сюжета, влияет на выбор лишь способов *намёков* на типичные смыслы, т. е. на то, какие из смыслов в данном языке предпочтительно бывают ближайшими, каков состав морфем с вещественными значениями, какие наиболее частые последовательные и параллельные отношения между смыслами требуют выражения с помощью грамматических значений и т. д.

По Мельникову, (качественно) признаковый коммуникативный ракурс характерен в наибольшей мере для классических агглютинативных языков типа урало-алтайских (особенно тюркских); событийный коммуникативный ракурс присущ прежде всего синтетическим флективным языкам; окказиональный коммуникативный ракурс — специфическая особенность корнеизолирующих языков [Мельников 1990].

Правомерность полученных выводов получает оправдание при привлечении данных компаративистики и истории.

Перед преподавателем стоит задача передать сложность и своеобразие русского научно-учебного текста так, чтобы эту форму подачи содержания учащиеся научились опознавать в русском тексте и руководствоваться ею при создании русского, либо иноязычного текста.

Л и т е р а т у р а

- Богомазов Г. М.* Детерминантные основы преподавания фонетики современного русского литературного языка в вузе. М., 1998.
- Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М., 1997.
- Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Зубкова Л. Г.* Лексичность / грамматичность языка и его звуковой строй // Фонетика в системе языка. М., 1997. Вып. I.
- Мельников Г. П.* Принципы и методы системной типологии языков: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
- Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Ходжиев А. П.* Узбекский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.
- Юлдашев А. А.* Башкирский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.